

© 2012 г. *Н.А. Панишева*

УДК 81

МОТИВ ОТПЛЫТИЯ В ЛИРИКЕ А. НЕСМЕЛОВА

В литературоведении XX – начала XXI в. вопросам пространственно-временной организации текста посвящено множество научных исследований. Особый интерес для исследователей представляли авторы, принадлежащие к «переломной эпохе» русской истории: поэты, творившие в 20-40 гг. XX в. В рамках исследования поэтики были разработаны вопросы пространственно-временной организации текстов у таких авторов как Цветаева, Мандельштам, Блок, Пастернак, Маяковский и т.д.

К сожалению, на данном этапе исследовательской работы остается малоизученным хронотоп лирических произведений представителей первой волны эмиграции, а именно – ее дальневосточной ветви. Мы обратимся к анализу хронотопа в поэзии одного из крупнейших представителей дальневосточной эмиграции – Арсения Несмелова.

Пространственно-временная организация поэтических текстов Арсения Несмелова особенно интересна нам не только потому, что творчество представителей дальневосточной ветви эмиграции на сегодняшний день остается малоизученной темой, но и в силу некоторых особенностей эмигрантского мировосприятия, которое наиболее ощутимо на примере анализа хронотопа. В статье предпринимается попытка анализа мотива отплытия, символизирующего переход лирического героя из одного мира в другой.

Лирический герой Несмелова существует на грани между двумя реальным и ирреальным миром, прошлым и будущим, сном и явью. Таким образом, в центре внимания поэта оказывается осмысление границы между параллельно существующими мирами и ситуации ее преодоления.

Впервые в лирике Несмелова мотив отплытия возникает в раннем стихотворении «Голубой разряд», опубликованном в первом поэтическом сборнике поэта. В раннем творчестве Несмелова противопоставление суши и моря было

тесно связано с антиномией реальность/иллюзия. Посюстороннее пространство поэт сравнивал со стабильным и устойчивым земным миром, потустороннее, трансцендентное пространство ассоциировал с бесконечным и непознаваемым морем. Таким образом, мотив отплытия в ранней лирике Несмелова обозначает переход лирического героя из реального мира, в мир иллюзий, снов и грез, преодоление границы между реальной и альтернативной действительностью и зачастую является метафорой сна.

Ложась в постель, ладью покоя,
Ловлю плавучие стихи... [1, с. 35]

...

И снится мне: оруженосец –
Вчера надменный сюзерен,
Я сумасшедший миноносец
У остроострова сирен [1, с. 35].

Несмелов подчеркивает принадлежность своего лирического героя к границе между реальным и иллюзорным миром с помощью состояний сна и безумия, являющихся воплощениями категории границы. Безумие (как и болезнь) представляет собой пограничное состояние и в лирике Несмелова связывается с тайным знанием, творческим озарением. Таким образом, условная реальность сновидений тесно связывается с условной реальностью творчества [2]. Несмелов указывает на принадлежность стихотворных строк морской стихии («плавучие стихи»), в грезах открывается внутренний мир и поэт «переплавляет» увиденное во сне в стихотворные строки. Таким образом, пересечение границы между сферами действительности и мечты обуславливает вдохновение.

Я запишу улыбки сновидений,
Я встал, дрожу и зажигаю свет.

...

Я удивлен, я робко ставлю точку
В конце того, что точно записал [1, с. 36].

Следует отметить, что в стихотворении «Голубой разряд» Несмелов не описывает ни реальный мир, ни альтернативное пространство грез и сновидений, однако тщательно фиксирует моменты перехода из одного пространства в другое. Это свидетельствует о том, что на ранних этапах творчества Несмелов воспринимает сферу действительности и сферу иллюзий как параллельно

существующие пространства, не противопоставляет их друг другу и не отдает предпочтения ни одной из них. Поэт в лирике Несмелова выступает посредником между реальностью и грезами. В центре внимания автора оказывается ситуация преодоления границы между реальным и ирреальным, соотносящаяся с отплытием.

Отплытие, как преодоление границы между действительностью и мечтой становится событием, лежащим в основе сюжета многих ранних произведений Несмелова [3]. Мотив отплытия-засыпания, как преодоления границы, повторяется в стихотворении «Сны». Как и в стихотворении «Голубой разряд» в «Снах» возникает образ таинственного острова, к которому лирический герой стремится во сне.

За то, что ты еще не научилось
Покою озаряющей любви,
О, погружайся, сердце-Наутилус,
К таинственному острову плыви! [1, с. 157].

Волшебный остров по прежнему принадлежит пространству грез и мечтаний, однако теперь он становится ценностным центром художественного мира поэта. Пространство реальной действительности воспринимается поэтом как ущербное и ему противопоставляется открытый мир иллюзии.

Как сладко жить блужданьями ночными,
Как сладко знать, что есть бесценный клад
Ночных путей... [1, с.157]

Пространству суши противопоставляется не только море, но и небо, объединенные в идеальное открытое пространство. Целостность пространства грез подчеркивается отсутствием членения морского и водного простора чертой горизонта. Единое пространство иллюзий наполняется солнечным светом, зарождающимся в глубине синих просторов, который выступает ориентиром для странствующих героев.

И туда, где струится
Дым зари, в небеса –
Обожженные птицы,
Полетят паруса! [1, с. 40].

Смещение ценностного центра в мир иллюзий и грез обуславливает изменение направления и характера движения лирических субъектов. Герои

«морских» стихотворений Несмелова стремятся в море. Устремленность к морским далям символизирует духовное движение к ценностному центру, находящемуся в пространстве грез и мечтаний и выражается в обилии глаголов движения.

Всадник усталый к гриве ник,
Птицы летели за море.
Рифма звенит как гривенник,
Прыгающий на мраморе [1, с. 47].

Путь к недостижимому идеалу наполняет существование лирического героя особым смыслом и в лирике Несмелова появляются «морелюбы», вечные путешественники. Морские скитальцы живут в ирреальном мире фантазий, что мотивировано неприятием обыденности и желанием вырваться в другой мир. Для морелюбов подлинную ценность представляет сам процесс путешествия, принадлежность морской стихии и в этом они сходны с мореплавателями Шарля Бодлера, «плывущими, чтобы плыть».

Мы же, слепцы и Лазари
Тысячелетних плаваний,
Ищем путей из глаз зари
И – моряки без гаваней! [1, с. 47].

Морское пространство, сопоставляемое с миром грез, наделяется семантикой свободы и простора и противопоставляется суше. Со смещением ценностного центра в сферу грез и мечтаний, особую роль в лирике Несмелова начинают играть образы гавани и берега, маркирующие границу между двумя мирами. В стихотворении «Морелюбы» лирический герой Несмелова отвергает гавань, противопоставляя ей вечные скитания. Отказ от гавани, как цели путешествия, свидетельствует о смещении ценностного центра лирического героя ранней лирики Несмелова. Ранее балансировавший на грани между мирами лирический герой окончательно отказывается от реальности и переходит в мир иллюзий.

С пространством моря тесно связан образ тумана. Туман, «как змей, закованный в опал» [1, с. 39] наползает на сушу с моря, размывая все границы вещного мира. С исчезновением границы между водой и сушей, реальным и ирреальным пространствами, появляется новая действительность, частью которой ощущает себя лирический герой.

За мглою – мгла! Сквозь острые проколы,
Распластаны на замшевый экран
(Подобие кровотокащих ран!), -
Огней разбрызганные ореолы...

Туман,

Туман,

Туман... [1, с. 217].

Туман, наплывающий на берег «текучей глиной» [1, с. 209], не только стирает пространственные границы, но и «распыляет огни» [1, с. 70]. Огни, обозначающие человеческое жилье, помогают ориентироваться в пространстве и являются принадлежностью реального мира, связанного с пространством суши. Когда на землю опускается туман, свет фонарей и окон становится невнятным и рассеянным. Атмосфера ирреального, потустороннего создается и с помощью звуковых образов. Привычные звуки скрадываются туманом, сквозь плотную завесу слышится рыдание сирены на мысу [1, с. 209], «широкое пенье» моря [1, с. 70] или скрип уключин [1, с. 191]. Лирический герой, потерявший привычные ориентиры, перестает принадлежать земному, реальному миру и переходит в ирреальное пространство.

В зрелой лирике Несмелова образ гавани, ранее символизировавший границу между имманентным и трансцендентным, становится маркером границы между двумя реальными, но одинаково чужими автору пространствами. В стихотворении «Леонид Ещин», опубликованном в сборнике «Без России» (Харбин, 1931) Несмелов переосмысливает образ берега и порта.

День осенний – глухую хмару –

Вспоминаю: в порту пустом,

Где последний японский «Мару», –

Леонид с вещевым мешком.

Оглянул голубые горы

Взором влажным, как водоем:

«Тында-рында! И этот город –

Удивительный – отдаем...» [1, с. 113]

Пристань, как пространственная граница между морем и сушей разделяет не реальное и ирреальное пространство, а реальные топосы родины и чужбины. В стихах периода эмиграции, как и в ранней лирике Несмелова, лириче-

ский герой принадлежит грани между двумя параллельно существующими мирами, однако он не способен перешагнуть границу, и вынужден существовать между противопоставленными пространствами. Берег, на котором умирают выброшенные морем существа, становится метафорой эмиграции.

Так уходит море, на песке
Слизь медуз и водорослей бросив.
До волны последней не успев
Дотянуться, ничего не просят.
...
И когда вернется море вспять,
Отшагав положенные бури,
Унесет оно, взывав, вскипя, –
Только трупы, пахнущие дурно [1, с. 123].

Так как образ границы между мирами трансформируется, подвергается изменениям и мотив отплытия. В стихотворениях периода эмиграции лирический герой не стремится к морским далям, в бесконечное пространство мечтаний уходит сама Россия.

Россия отошла, как пароход
От берега, от пристани отходит.

В отличие от многих других представителей эмиграции А. Несмелов не питал надежды на возвращение в Россию, в связи с этим в его лирике граница между Родиной и чужбиной гиперболизируется и изображается непреодолимой.

Сегодня мили и десятки миль,
А завтра сотни, тысячи – завеса.

...
Пойдемте же! Не возвратится вспять
Тяжелая ревущая громада [1, с. 123].

Море в зрелой лирике Несмелова является не только пространственным, но и временным образом, морские просторы соотносятся с будущим, а берег и прибрежные воды – с настоящим временем. Если «четырёхтрубный гигант» [1, с. 123] России устремляется в будущее, то «утлая посудина» эмигрантов не способна пересечь «море зарубежья», изгнанники оказываются лишены перспективы. Бесцельное движение по бурному «морю зарубежья»

носит циклический характер: с каждым новым годом оно начинается заново. Путь изгнанников это преодоление не пространства, а времени: плаванье они воспринимают как форму существования.

От январской пристани опять
Отплываем в плаванье годичное.
Сильно ль будет лодочку качать,
Завывать ветрина будет зычно ли? [1, с. 273].

Мотив отплытия связывается с мифологическим ритуальным временем на стыке старого и нового года через общую семантику границы. Новогодняя ночь, часто выступающая в роли границы, места встречи прошлого и будущего, обретает в лирике Несмелова трагическую окраску. С точки зрения Несмелова, эмигранты, лишённые прошлого и будущего, обречены на существование в бедном и зыбком настоящем. Таким образом, праздник Нового года, являющий собой момент расставания с прошлым и стремления к будущему, заставляет изгнанников осознать скоротечность и ущербность своей жизни.

Жизнь ушла, как светоч малый –
Как далеко до него!..
С новым счастьем? Что ж, пожалуй,
Если верите в него [1, с. 270].

Драматизм эмигрантской лирики Несмелова обусловлен не только неприятием реальной действительности настоящего, но и осознанием невозможности вернуться в Россию, соотносимую с прошлым, или прорваться в яркую жизнь Европы и Америки, символизирующую будущее. Попытки лирического героя преодолеть границу между временами не увенчиваются успехом. Пересечь океан и вырваться в будущее способны только дети эмигрантов.

Но не в Константиновское, милый,
Едешь ты. Великий океан
Тысячами простирает мили
До лесов Канады, до полян
В тех лесах, до города большого,
Где – окончен университет! –
Потеряем мальчика родного
В иностранце двадцати трех лет [1, с. 107].

Реальный мир повседневности, в котором существует лирический герой, соотносится с образом пустынного песчаного острова. Описывая бытование эмигрантов, Несмелов вновь прибегает к антиномии замкнутого/ разомкнутого пространств. Ограниченному замкнутому пространству острова, за пределы которого лирический герой неспособен вырваться, противопоставляется открытое пространство моря, символизирующее вечность.

С Новым Годом!.. Как большие льдины
Из предельных стран, издалека,
Проплывают горькие години
Мимо беженского островка... [1, с. 288].

Согласно В.Н. Топорову, море открывает человеку видение иных миров [IV], однако если в ранней лирике Несмелова пространство моря соотносится с миром иллюзий и грез, то в зрелой лирике оно превращается в пространство небытия. Таким образом, мотив отплытия служит смысловому развертыванию темы смерти. Мимо «беженского островка», который населяют стареющие россияне, больше не проплывают корабли. По темной воде плывут льдины, олицетворяя медленный, но неумолимый ход времени. Семантика пустоты и холода создает атмосферу предсмертного оцепенения. От холода замедляются все движения, в том числе и движение времени, изменения которого свидетельствуют о приближении смерти.

И с песчаной отмели пустынной
Мы следим за ходом этих льдин.
День проходит бесконечно длинный,
Дни идут, и каждый – как один! [1, с. 288].

Лирический герой ждет белоснежного фрегата, который должен пристать к их острову. Однако надежды напрасны и печальный берег изгнания эмигранты покидают на «черной ладейке» Харона [1, с. 270, 288]. В стихотворении «Как пароход от пристани», не вошедшем в прижизненные сборники автора, Несмелов вновь возвращается к образу отплывающего от пристани парохода. Сорок четвертый год, уходящий из порта, уносит в трюмах надежды, а на палубе – «дорогих мертвецов», тем самым, выполняя функцию ладьи Харона [1, с. 349].

В заключение мы можем сказать, что мотив отплытия играет важную роль в лирике Несмелова. Отплытие, как пересечение границы между двумя

семантическими полями, моделирует художественный мир поэта. Лирический герой Несмелова существует на границе между сферами реального и иллюзорного, явью и сном, прошлым и будущим. Для ранней лирики поэта наиболее характерна ситуация отплытия, соотносящегося со сном, как переход из обыденного мира в трансцендентное пространство мечты и поэзии. В лирике периода эмиграции Несмелов воспринимает отплытие, как прорыв в будущее или уход в небытие.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Несмелов А.* Собрание сочинений: В 2 томах. Т.1. Владивосток, 2006.
2. *Маслова А.Г.* Аспекты анализа хронотопа лирического произведения (на примере поэзии Б.Л.Пастернака). Киров, 2006.
3. *Лотман Ю.М.* Структура художественного текста // Лотман Ю.М. Об искусстве. СПб., 2005.
4. *Топоров В.Н.* О поэтическом комплексе моря и его психофизиологических основах// *Топоров В.Н.* Миф. Ритуал. Символ. Образ. М.,1995.

LITERATURE

1. *Nesmelov A.* Sbranie sochinenii: V 2 tomah. T.1. Vladivostok, 2006.
2. *Maslova A.G.* Aspekty analiza hronotopa liricheskogo proizvedeniya (na primere poezii B.L.Pasternaka). *Kirov, 2006.*
3. *Lotman Yu.M.* Struktura hudozhestvennogo teksta // Lotman Yu.M. Ob iskusstve. SPb., 2005.
4. *Toporov V.N.* O poeticheskom komplekse morya i ego psihofiziologicheskikh osnovah// *Toporov V.N.* Mif. Ritual. Simvol. Obraz. M.,1995.

***Вятский государственный
гуманитарный университет***

10 марта 2012 г.